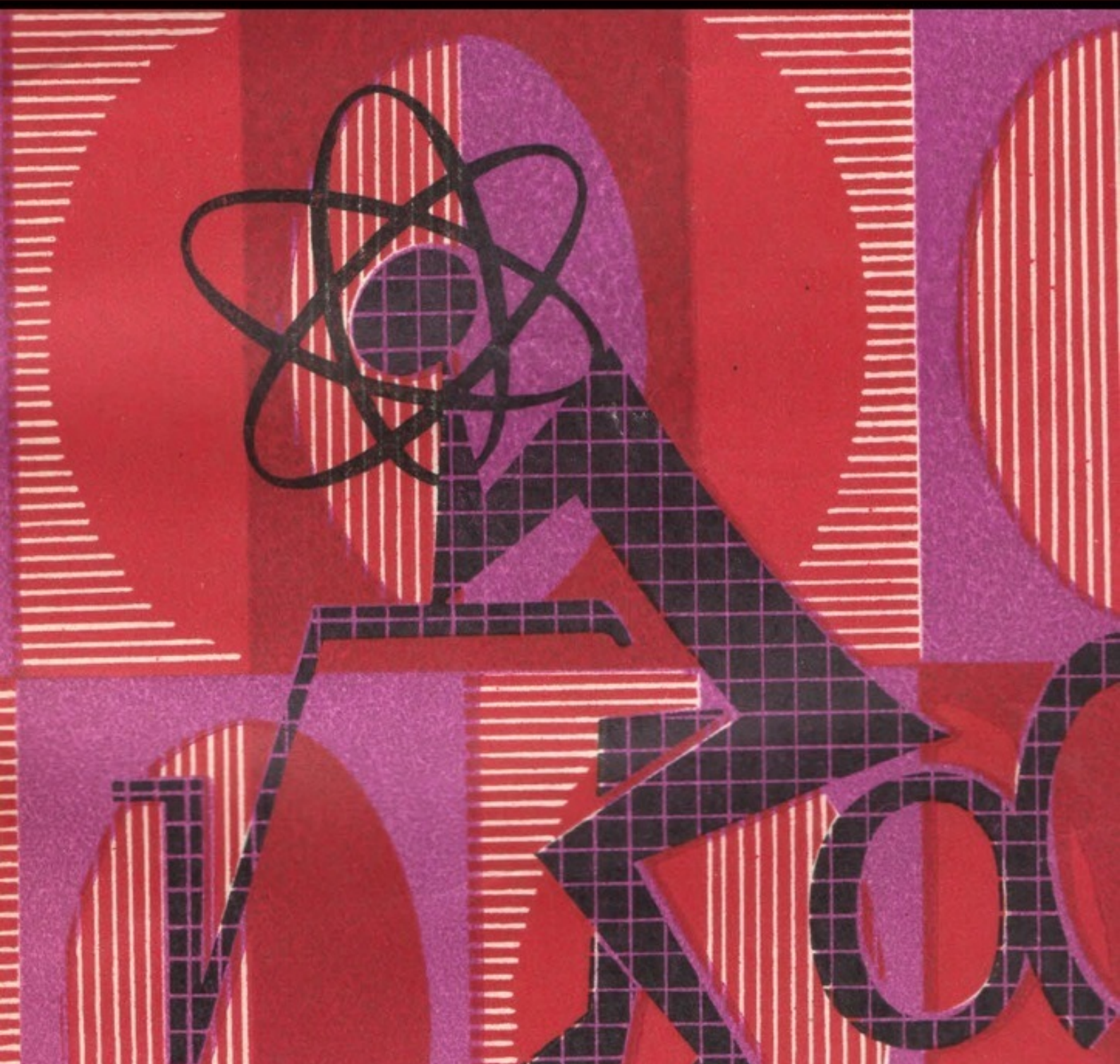

БОРИС КРИППА

Несерьёзные размышления физика

Борис Криппа

**Несерьёзные
размышления физика**

«Издательские решения»

Криппа Б.

Несерьёзные размышления физика / Б. Криппа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835078-8

Книга составлена из отдельных небольших рассказов. Они не связаны между собой ни по времени, ни по содержанию. Это встречи с разными людьми, смешные и не очень эпизоды жизни, это размышления и выводы... Но именно за этими зарисовками обрисовывается и портрет автора, и те мелочи, которые сопровождают любого человека всю его жизнь. Просто Борис Криппа попытался подойти к ним философски и с долей юмора, которого порой так не хватает нам в повседневной жизни...

ISBN 978-5-44-835078-8

© Криппа Б.
© Издательские решения

Содержание

Аризона	6
Вызов в школу	9
Древний грек	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Несерьёзные размышления физика

Борис Криппа

© Борис Криппа, 2016

ISBN 978-5-4483-5078-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аризона

Навеяно замечательным рассказом моего друга Кати Мишиной, за что ей восторги и благодарности, хотя никакой ответственности на представленный ниже опус она, естественно, не несет.

Итак, дело происходило летом 1992 года. Извилистая судьба физика-теоретика привела меня в Аризону, где я намеревался сделать доклад по всяким профессиональным вещам. Место было для меня новое, я был полон интереса и радостных предчувствий. Единственное, что меня немного смущало, это особенности местного климата. То есть я предполагал, что Аризонщина не есть лучшая среда обитания для питомца северных широт, но действительность превзошла все мои ожидания. Зной навалился на меня сразу после выхода из самолета. Он бил со всех сторон, он орал, визжал и матерился. Я пытался сопротивляться, но быстро понял, что роли воплощенной реинкарнации весенней Снегурочки мне не избежать. Сопровождаемый интенсивно отходившими от меня водами я проплыл внутрь аэропорта, где и был встречен моим хостом. На выходе из здания мне попалось на глаза огромное табло, оповещавшее вновь прибывших о температуре этой природной сковородки. Сия радостная информация естественно выражалась в виде принятой в Америке шкалы температур по Фаренгейту. Переведя оную в более привычные мне градусы по Цельсию, я пригорюнился еще больше. Все-таки прав был классик, говоря, что «Знания умножают скорбь». Не знал бы как переводить одну шкалу в другую, был бы на пару градусов счастливее. Обдумывая эту глубокую мысль, я доплелся до машины. Хост сел за руль, и мы начали свой путь. Я глядел на марсианский пейзаж за окном, на эти кактусы разных форм и расцветок и понимал, что в ближайшие пару дней мне вряд ли удастся насладиться температурой ниже сорока градусов. После нескольких дежурных фраз о прошедшем полете хост попытался перейти на темы профессиональные, однако мой ударившийся о жару мозг объявил бойкот и категорически отказывался шуршать в ответ, так что мне приходилось отделяваться междометиями или очень лаконичными фразами.

Минут через 15—20 мы добрались до местного источника высшего образования и проследовали внутрь, где и должна была состояться первая часть Марлезонского балета. Надо сказать, что в американских университетах, как правило, количество кондиционеров превышает количество сотрудников. Это обстоятельство на некоторое время исправило мои взаимоотношения с окружающей средой, так что мозги с паузы переключились в активный режим, и доклад прошел вполне гладко и пристойно. Одна только мысль, жужжащая назойливой мухой где-то на задворках сознания, не давала мне покоя. Я уже знал, что на семинарах в американских университетах ограничения по времени выдерживаются довольно строго, час доклад и 5—10 минут на вопросы, так что никаких тебе советско-российских заседаний от «забора до обеда» не предвидится. Я был готов говорить бесконечно, делиться воспоминаниями о жизни, анекдотами, историями про близких родственников, только бы продлить время нахождения в этой обманчивой прохладе, однако девичий вопрос перед первой интимной близостью «а что потом?» не находил достойного ответа и продолжал буравить меня изнутри, не давая возможности сосредоточиться на сути всего происходящего. Увы, все когда-нибудь заканчивается. Как говорил незабвенный товарищ Лукьянов «кончил – не кончил, слезай, регламент». Все завершилось через примерно час несколькими заключительными вопросами и последовавшими хлопками, после чего мне предстоял возврат в суровую действительность. На выходе из здания Университета я опять подвергся мгновенной термической обработке и снова превратился в горячего Аризонского парня. Далее предстояла вторая часть Марлезонского балета.

По стандартной процедуре докладчик сначала выгуливается в близлежащих окрестностях, а потом плавно перетекает в какую-нибудь местную ресторанцию, где подвергается про-

цессу кормления. Мой любезный хост намеревался проследовать по намеченному пути но, будучи человеком воспитанным, предварительно поинтересовался, не хотел бы я что-нибудь посмотреть. Я был совершенно не против Стандартной Модели развития событий, но, решив не отстать в степени воспитанности, оглядел пейзаж и, заметив вдалеке какое-то подобие холмов, спросил «а что там?». Хост чуть презрительно pokrивился и сказал, что там ничего интересного, «небольшие горки и при них озерцо, но оно холодное». «А! Что!?!» Увидев, что у меня на лице стремительно возрождается «Феникс из пепла», хост забеспокоился и решил подавить это опасное проявление вольтерьянства в зародыше. «Да-да, оно очень холодное и из местных никто в нем не купается» – стараясь быть как можно более убедительным, добавил он. Бум! Затушил костер бензином. Все мое естество выражало одно единственное, написанное огромными, как на входе в московское метро, буквами слово «ХОЧУ»!

Поняв, что вместо легкой прогулки с последующим сидением в ресторанчике ему обломилось нечто непрогнозируемое, мой добрый хост уныло поплелся к машине. Я не помню деталей этой поездки, но раздеваться я начал, не выходя из авто, так что «графиня изменившимся лицом побежала к пруду» уже без штанов. Я рухнул в это холодное счастье и наслаждался происходящим всеми возможными способами. Я фыркал, нырял, плескался и издавал нечеловеческие звуки. Глядя на это полуголое содержание без формы, вряд ли можно было представить, что еще какой-то час назад оно было способно выпускать в воздух какие-то осмысленные физико-математические звуки. Страшно представить, что обо всем этом думал принимавший меня американский коллега. Через какое-то время я обратил внимание, что на берегу появилось всклокоченное существо с явными намерениями повторить мой мокрый путь. «А вот и неправ хост», – злорадно заключил я. – «Есть и на Аризонщине твердые духом и телом американцы. Вон как решительно продвигается к берегу». Не успел я додумать свою мысль до конца, как существо с полукриком-полустоном «Эх, б... твою мать!» плюхнулось в воду. «Не американец», – подумалось мне. Тем временем существо вынырнуло и добавило эмоциональный градус в атмосферу, сказав «Ах,...ть» и снова погрузилось под воду. Третий раз он возник из озерной бездны изрядно отдохнувшим и радостно сообщил миру, что вот теперь ему «Ваще за....ись».

Весь этот пир духа проходил уже в непосредственной близости от меня, так что наши взгляды пересеклись. Мне бы поддержать его дружеским и неформальным словом, но вместо этого мой, недавно вышедший из комсомольского возраста организм, неожиданно изрек: «Целиком с вами согласен, товарищ». Ответом был полный ужаса взгляд, после чего последовало срочное погружение автора взгляда, и только сконфуженные пузырьки говорили о наличии кого-то под водой. Так продолжалось несколько секунд, после чего на поверхности медленно показалась голова, а затем прикрепленное к ней тело. Голова с опаской посмотрела на меня и задала видимо не самый умный в своей жизни вопрос: «Так ты русский?» С трудом подавив желание отнести себя к малым народам Севера, я ответил утвердительно. Через несколько секунд по изменившемуся выражению глаз я понял, что информация дошла и всосалась. Стало понятно, что я имею дело с человеком неглупым. Он еще раз внимательно посмотрел на меня, видимо желая окончательно убедиться, что перед ним находится такой же хюман бин, а не инопланетянин или местный крокодил и медленно сформулировал: «Ну ни фига себе». Отметив про себя драматическое изменение его лексики, я заключил, что имею дело с человеком интеллигентным. Приятное чувство сопереживания сплотило нас, и мы мило поболтали. Оказалось, он компьютерщик из Питера и, как и я, приехал в этот американский филиал финской бани на несколько дней. Обнаружилось также, что он, как и я, употребляет ненормативную лексику только в минуты особого душевного подъема или особого душевного расстройства. Это сблизило нас еще больше. Побеседовав немного, мы побрели по своим делам, обменявшись напоследок электронными адресами.

Часто потом, сидя зимними вечерами где-нибудь на Северах, я вспоминал этот забавный случай, и теплое чувство снова накатывало на меня, даря ощущения счастья от того, что со мной это было. Много потом случилось разных встреч и знакомств, но этот водный междусобойчик двух ошалевших от жары русских навсегда вошел в мою память яркой блёсткой из числа тех, что делают таким удивительным и необычным этот процесс под названием жизнь.

ВЫЗОВ В ШКОЛУ

Тот весенний вечер не предвещал ничего необычного. Я трапезничал в узком семейном кругу, перебирая в голове ошметки дневных мыслей и пытаюсь понять, какую из них можно отнести к разряду умных. Жена с дочкой говорили о своем, о женском, а младший ребенок что-то напряженно обсуждал на фейсбуке. Плавное течение событий было прервано в тот момент, когда сын, оторвавшись на секунду от обсуждения глобальных вопросов с одноклассниками, ничего не значащим тоном произнес: «Папа, мама, вас вызывают в школу, часикам примерно так к десяти».

Данное известие приступа восторга у родителей не вызвало. Еще не успевшая поужинать и поэтому сохранившая быстроту реакции жена быстро сформулировала ряд стоявших перед ней неотложных задач, которые совершенно необходимо было решить именно завтра и именно в это время, после чего гордо удалилась в свое личное подпространство. Я же, вследствие плотного ужина, скорость мысли наоборот потерял, так что честь посещения среднего учебного заведения досталась мне. Не имея более возможности увильнуть от исполнения родительского долга, я попросил чадо обрисовать мне поточнее суть всего происходящего, а главное, очертить те острые углы, о которые мне предстояло стукнуться во время завтрашнего визита. Из пространного монолога наследника я уяснил что: «Математичка ко всем придирается, физик всем надоел, а немка ваще дура». Представители других областей человеческого знания были определены примерно в ту же оценочную категорию. Когда я робко осведомился относительно наличия педагогов, подпадающих под определение нормальных, докладчик презрительно фыркнул в ответ, из чего я заключил, что вопрос был неуместным. В общем, по всему выходило, что коллектив ангелоподобных тинейджеров всеми силами стремится к знаниям, сопровождая свой порыв безупречным поведением и наиприятнейшими манерами, а банда монстров под общим названием «учителя» им всячески в этом мешает, рняя их неокрепшие души необоснованными упреками и докучая мелкими придирадками. Закончив инструктаж, довольное проведенной работой чадо отправилось в опочивальню, оставив меня додумывать детали предстоящего мероприятия.

Идти в школу мне отчаянно не хотелось, и я пытался выдумать причину, которая могла бы меня примирить с завтрашней неотвратимостью. Я напоминал себе о родительских обязанностях и о невероятной пользе, которое в себе несет общение с педагогическим коллективом. Все это повергало меня в еще большее уныние, и я отправился спать, успев подумать напоследок, что вероятно лучший способ понять «куда уходит детство» и сколько в вас его еще осталось, это получить вызов в школу по поводу «подвигов» собственного ребенка.

На следующий день я в назначенное время заявился в учебное учреждение, представлявшее собой вполне себе стандартную английскую школу, каких в Манчестере, наверное, десятки. Я проследовал в выделенную для обсуждения комнату, доверху заполненную представителями педагогического коллектива. Их лица были столь серьезны, что я на секунду почувствовал себя не родителем, а учеником. Руководил этим школьным цирком с конями сам директор, недавно назначенный на это место и поэтому обладавший повышенной пупковостью. С порога мне было строго указано, что школа рассматривает дисциплину как важнейший элемент учебного процесса. Еще ничего не сделав и не сказав, я сразу почувствовал себя виноватым и счел своим долгом уверить высокое собрание, что тема дисциплины и мне не чужая. Директор тем временем выпустил еще несколько английских слов, посвященных этому вопросу, и сменил вектор обсуждения. «Не всегда, однако» – в его голосе зазвучали трагические нотки – «наши ученики следуют канонам поведения, выработанным руководством школы и одобренным родительским активом». На этом драматическом пассаже лица остальных членов коллектива изобразили глубокую печаль. Я пристроил свою тележку к этому груст-

ному поезду и примерно минуту скорбел вместе с педагогами. В процессе скорби мне вспомнились записи, которыми пестрел мой собственный дневник: «Висел на подоконнике с обратной стороны, а на перемене избил Лазарева; смешил девочек на уроке пения, а также использовал школьные яйца не по назначению» и т. д. Перекатывая в голове свои персональные подвиги, я не выдержал и хмыкнул прямо в разгар скорби, чем вызвал удивленный взгляд директора. Как потом выяснилось, это было только начало. Покончив с прелюдией, директор переключился на интермеццо, уже конкретно посвященное деяниям моего родственника. Деяния, в основном, состояли из болтовни на уроке и несогласия с учителями относительно серьезности этого проступка. Директорская версия событий несколько отличалась от услышанного мною вчера, но это было вполне ожидаемо и не особенно меня удивило. Сопоставив показания, я укрепился в своем мнении, что дело не стоит и выеденного яйца и что вся проблема есть простое следствие уязвленного самолюбия пары не особенно умных педагогов. Вообще в конфликте отцов и детей я, как правило, на стороне последних. Тем временем выступление школьного театра близилось к финалу, и я уже готовился выдвинуться по направлению к работе, но в этот момент управляющий манежем пригласил войти моего сына. Предполагалось, что отповедь отпрыску в моем исполнении и в присутствии местных наставников молодежи должна явиться завершающим аккордом всего представления. Надо сказать, что языком внутрисемейного общения у нас был исключительно русский и дети с ранних лет знали, что английский папа держит исключительно на работе, а при общении с ними мгновенно его забывает. И вот теперь мне предстояло исполнить педагогический экзерсис не на родном языке. Я бодро начал свою мантру, но где-то на полуфразе вдруг с ужасом ощутил, что меня раздирает страшной силы хохот. Он переполнял меня всего, норовя выплеснуться за пределы плоти и заполнить собой все пространство комнаты. Я думаю, что каждый человек ощущал нечто подобное хотя бы раз в жизни. Борьбаться с рвущимся из тебя смехом бесполезно, как, например, бесполезно подавлять чих, икоту или зевоту. Все равно чихнется или зевнется, только в неожиданном месте или в неподходящий момент. Я невероятным усилием воли усмирил надвигающийся на меня приступ бурного веселья, но смех продолжал вытекать тонкими струйками из уголков рта, и я гонялся за ним по всей территории лица, как пограничник за контрабандистом, издавая при этом малопонятные звуки, похожие на стоны с хлюпаньем. Я представлял, как это выглядит снаружи, но привести себя во взрослое лицемерное состояние было выше моих сил. «По крайней мере, – утешал я себя, – увидев, какой придурок папаша, они перестанут приставать к сыну, а начнут ему сочувствовать». Странные упражнения моих лицевых мышц явно ломали предусмотренный сценарий, и педагоги уставились на меня, молчаливо требуя объяснений. Что я мог им сказать? В промежутках между борьбой со смехом я мямлил, что это чисто нервное и что это моя обычная реакция на плохое поведение ребенка. «Господи, что я несу, – думал я про себя – это что же получается! Когда отпрыск хулиганит, я ржу!». Все это продолжалось минуту или две, и я уже почти совладал с разыгравшейся внутри меня «смехопанорамой», как в этот момент заржал мой сын. По лицу английских педагогов стало ясно, что они начали подозревать семейный заговор. Наконец, сквозь новый приступ смеховой чесотки мне удалось выдавить, что я уяснил всю важность момента и обязуюсь продолжить процесс воспитания в домашних условиях. Это дало повод директору цирка закончить представление, и мы с сыном были отпущены восвояси. Мы почти бегом покинули здание школы, оглашая окрестности теперь уже ничем не сдерживаемым смехом. На улице мы еще помусолили все подробности только что прошедшего события и довольные друг другом разошлись по своим делам.

С тех пор прошло немало лет. Чадо выросло, закончило процесс среднего образования и поступило в университет. Мы с ним часто вспоминаем мой визит в школу и каждый раз смеемся. Мне до сих пор чуть-чуть стыдно за свой «смехоконфуз», но это с лихвой компенсируется признанием сына, что день моего посещения школы был самым счастливым днем из всей его школьной жизни!

Древний грек

Пара «профессор-студент» вполне может сравниться по популярности с такими источниками народного творчества, как пара «теща-зять» или «Чапаев-Петька». Количество вариаций этого сюжета неисчислимо и придумать тут что-либо новое кажется практически невозможным. Однако жизнь, как обычно, оказывается изобретательнее наших самых разнузданных фантазий и постоянно наносит новые краски на старый пейзаж.

Короче, жил-был студент по имени Алик и жил-был источник высшего образования по имени журфак МГУ. Студент Алик был ладно скроен, крепко сшит, играл в волейбол за сборную МГУ и пользовался большой популярностью у девушек. Кроме того, он выделялся благородной ранней сединой, ровным слоем покрывавшей классической формы голову с крупными и выразительными чертами лица. Сединой своей Алик гордился и не обращал внимания на мелкие придирки коллег по сборной МГУ, утверждавших, что его ранняя седина есть проявление или природной аномалии или генетической патологии. Отдельные доброжелатели пытались убедить Алика не стричься и не бриться, ибо, по утверждению советчиков, следующее поколение растительности вполне могло бы появиться в обычно-брюнетистом виде, и он бы потерял значительную долю своей привлекательности, а вместе с тем лишился бы и повышенного внимания со стороны девушек и женщин. Эти научно необоснованные советы отвергались седовласым юношей с благородным презрением, и благодарная ему седина продолжала исправно красить Аликов череп в белый цвет.

Учился наш герой ни шатко, ни валко, неспешно переползая с курса на курс и периодически уходя в академический отпуск. В общем, был Алик студентом-долгожителем, знатоком психологии профессорско-преподавательского противника, искушенным в сдаче зачетов и экзаменов, а также поднаторевшим в производстве и использовании шпаргалок различных форм и содержаний.

События, о которых я рассказываю, происходили в момент преодоления нами очередной весенне-летней сессии. Мы сидели после тренировки в раздевалке, обсуждая подробности только что сданных экзаменов и только обычно шумный и многословный Алик молча угрюмился и глядел на мир взглядом барана на скотобойне. На проявленное нами любопытство он никак не реагировал, а только горестно вздыхал и печально хлопал своим римским носом. В конце концов, мы раскрутили его на разговор, и он голосом Фредди Крюгера поведал нам леденящую душу новость, что завтра ему предстоит экзамен по древнегреческой литературе. Не узрев ничего излишне драматического в названии предмета, мы вопросительно уставились на страдальца и потребовали разъяснений. Как оказалось, Алику предстояло поразить своими знаниями легенду журфака, «бабушку» примерно 75 лет, ангельского вида и дьявольского нутра. «Бабушка» никогда не была замужем, так что древнегреческая литература заменяла ей семью, друзей и хобби одновременно. Любовь ее к софоклам, эхилам и прочим еврипидам была всепоглощающей, и в огне этой страсти горели как щепки многие поколения студенческих душ.

В общем, лозунг «превратим древнегреческие трагедии в сегодняшние реалии» бабуля соблюдала неукоснительно и продолжала свой, начатый еще до войны, поход за студенческими скальпами, не ведая жалости и сомнений. Посочувствовав бедняге, мы все же посоветовали ему не сдаваться и использовать грядущую ночь не как обычно, а изучая древнегреческую литературу, хотя в глубине души понимали, что шансы нашего товарища получить оценку выше двойки близки к нулю. Не удостоив ответом своих товарищей по команде, Алик убыл из раздевалки, одарив нас на прощание еще одним горестным вздохом.

Дальнейшее развитие событий выглядело примерно так. Не успел Алик войти в аудиторию, как «бабушка» уставилась на него немигающим взором готовой к броску кобры, так что

пока Алик брал билет и шел на негнущихся ногах к своему месту готовиться, он успел вспомнить всю свою студенческую жизнь. Минуты тикали, «бабушка» продолжала безотрывно смотреть на Алика, который даже не имел возможности достать подробную шпаргалку, на которую до экзамена возлагал большие надежды. Видя такое дело, остальная аудитория принялась самозабвенно списывать, что было бы совершенно невозможно при других обстоятельствах. Алик терялся в догадках, пытаясь объяснить причину странного бабушкиного поведения. Версию о том, что «бабушка» внезапно в него влюбилась, он отмел как невероятную. Предположение, что она неожиданно повредила умом, показалась ему более правдоподобной, и он было собрался обдумать ее в деталях, но в этот момент «бабушка» жестом пригласила его подойти. Аудитория замерла в предвкушении экзекуции, а экзаменаторша тем временем открыла Аликову зачетку. «Блин, – подумал будущий журналист, – даже не спросила ни фиги. Если выгонят из-за этой старой карги, сдамся в „керосинку“. Там точно нет древнегреческой литературы». Между тем «бабушка», держа в руках зачетку, оглядела притихшую аудиторию и, посмотрев еще раз на Алика, торжественным дискантом произнесла: «Я вам ставлю пять, у вас голова древнего грека!». Она взяла ручку и медленно вывела «отл.» в соответствующей графе. Видно было, что написание такого сочетания букв было делом для нее непривычным. «Точно крыша поехала», – подумал еще не веривший своему счастью Алик. Вернув зачетку хозяину, «бабушка» окинула горящим взором ошарашенных виртуозов пера и своим обычным медово-ядовитым тоном произнесла: «Кто готов, подходите». Поняв, что к «бабушке» вернулся разум, неожиданно ставший любимым «внучек» поспешил ретироваться из аудитории и, не отвечая на расспросы изумленных одноклассников, бледной тенью самого себя покинул стены журфака, пребывая в состоянии страшного смятения и распахнутых на всеобщее обозрение чакр. Алик отходил два дня, говорил всякие странности про перст судьбы, вел беседы о добродетели, чем страшно пугал знакомых девушек, и только лошадиная доза алкоголя помогла ему вернуться в свое обычное состояние. Из оставшейся на заклятие аудитории примерно половина получили двойки. Знающие люди утверждают, что Аликова пятерка была единственной, поставленной «бабушкой» после войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.